

Ю.А. ЁЛГИН

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МАВЗОЛЕЯ ХОДЖА АХМЕДА ЯСАВИ. XVIII ВЕК

До недавнего времени историю изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в г. Туркестане начинали со второй половины 1860-х годов, хотя были известны и более ранние источники. Наиболее компетентный специалист по мавзолею Ходжа Ахмеда Ясави Л.Ю. Маньковская в библиографии в диссертации, посвящённой изучению и реставрации этого памятника, построенной по хронологическому принципу, первым называет сочинение П.И. Рычкова «Топография Оренбургской степи», увидевшее свет в 1762 г.¹ Оно содержит краткое описание г. Туркестана.² Здесь видна общая тенденция: многие ранние источники не несут конкретных данных о самом здании мавзолея, или только упоминают о нём, но ввиду их уникальности включаются исследователями в списки литературы. Субъективно некоторые из них «работают» на воссоздание исторического фона, на котором рельефнее выделяется изучаемый объект. Но есть в их числе и такие свидетельства, которые, несмотря на их скучность и отрывочность, полезны для археологов, реставраторов и помогают оживить историю памятника.

Тем не менее, в своей специальной историографической работе, оставшейся неопубликованной, начало изучения мавзолея Ясави Л.Ю. Маньковская относит ко второй пол. 1860-х гг. Это время, непосредственно последовавшее за присоединением юга Казахстана к Российской империи (1864 г.). Как бы противореча себе, перед этим она пишет, что первое литературное описание памятника, сделанное Н.А. Северцевым, опубликовано в 1859 г.³

Мы не склонны рассматривать 1864-й год как незыблемый рубеж в историографии мавзолея. Публикации 1860-х, 1870-х и даже 1880-х гг. недалеки по содержанию и уровню от предшествующих десятилетий. Русская периодическая печать уже в 1850-е гг. даёт немало сведений о народах Центральной Азии и Казахстана. Есть данные и о мавзолее Ясави.⁴ Тогда же выходят в свет и более ранние литературные источники, созданные авторами в 1800–1830-х гг.⁵ После 1864 г. наблюдается количественный, но не качественный скачок в «исследованиях». Увеличение числа публикаций в периодике объясняется быстрым массовым притоком в Туркестанский край представителей просвещённой военной и чиновной прослойки, любознательных интеллигентов, число пишущих среди которых было традиционно велико (писали многие – от рядового переводчика до генерала).

Хронологические рамки изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави довольно размыты. Стоит придерживаться точки зрения М.Е. Массона, который начало истории *специального* археологического изучения Средней Азии, из каковой ещё не выделилась история архитектуры в качестве самостоятельной области знания, относит к середине XIX в.⁶

Но, как известно, любая история имеет свою предысторию. XVIII век (отчасти и предыдущее столетие) можно рассматривать как время, предшествующее изучению мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. Тогда оно ещё не было *изучением* в полном смысле слова, *научным исследованием*, т.е.

¹ Маньковская Л.Ю. Исследования и реставрация памятника зодчества эпохи Тимура в г. Туркестане: Диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения (II редакция, том 2-й)..1963. 189 с. Машинопись // Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (Далее: ЦГА РУз.), Ф. Р2810, Оп.1, Д.10.

² Рычков П.И. Топография Оренбургской степи. СПб., 1762. Ч. II. С.73-76.

³ Маньковская Л.Ю. К истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави в г. Туркестане. Машинопись // ЦГА РУз., Ф. Р2810, Оп.1, Д.15, Л.4.

⁴ Кереева-Канафиева К. Дореволюционная печать о Казахстане: Из истории русско-казахских литературных связей. Алма-Ата: Казгосиздат, 1963. С.104.

⁵ Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в русской дореволюционной печати // Туран – Туркестан: Проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. Туркестан, 23-24 ноября 2006 года. Туркестан, 2006. С.171 -172.

⁶ Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // Труды Среднеазиатского Государственного университета (Далее: САГУ): Новая серия. Ташкент, 1956. Вып. LXXXI: Исторические науки. Кн.12. С.9.

последовательным процессом развития знаний о данном предмете, не имело конкретных целей и системности, присущих научному знанию.

Следует учитывать и более ранние этапы. В.В. Бартольд начало востоковедных исследований в Средней Азии (следовательно, и в казахской Степи) относит ко времени завоевания Иваном Грозным Казани (1552 г.) и Астрахани (1554 г.).⁷ Свой след оставил средневековый период, хотя он не очень богат фактическим материалом, и к тому же был прерван после событий в Персии и смут в Золотой Орде, последовавших за смертью хана Джанибека (1359 г.), вследствие чего доступ европейцев в Центральную Азию прекратился.⁸

После завоевания Казани и Астрахани начинается сближение России с среднеазиатскими ханствами. Следует обмен посольствами. Источники XVI в. ограничиваются единичными упоминаниями г. Туркестана. Самое раннее из них содержится в «Книге Большому чертежу», одном из ранних русских географических трудов.⁹ Достоверно известная его редакция составлена в 1627 г. в Разрядном Приказе, но писать его начали по указанию Ивана Грозного после 1552 г.

В XVII в. связи между Москвой и Востоком ещё более оживляются. Налаживаются торгово-экономические и политические контакты. В их ходе накапливаются географические и этнографические сведения.¹⁰ Всё чаще через г. Туркестан следуют посольства из Москвы к среднеазиатским владельцам. В то же время город Туркестан, сделавшись столицей Казахского ханства, сам принимает московских посланников. Участники дипломатически миссий уже не ограничиваются одними упоминаниями города, появляются более или менее подробные его описания. В конце XVII в. небольшие характеристики Туркестана оставили Ф. Скибин (1694–1696 гг.)¹¹ и Ф. Трошин (1696–1697 гг.), посол к Тауке-хану

В. Кобяков (1695 г.).¹² С конца XVI в. Туркестан становится важным пунктом на путях транзитной торговли Москвы и Сибири с среднеазиатскими ханствами (конечные пункты Москва – Бухара и Тобольск – Бухара). Довольно подробное сообщение о г. Туркестане в конце XVII в. оставил тобольский татарин (надо полагать, купец) Тауш Мерген: «...а город де Тургустан кладен необожжённым кирпичом, а в иных местах жжёный кирпич; в вышину тот город сажен три, втолщину аршина в два и сажень,¹³ а кругом сажень с 500, и на стенах поделаны бойницы; да в том же городе башня, да четверо ворот проезжие, да казахов живёт в том городе... человек с 1000... Да в том же городе по их закону построена мечеть, а кругом того Тургустана города пролегла степь».¹⁴

Такие свидетельства единичны и приблизительны. На этот период всё же явно недостаточно письменных и иных источников, где непосредственно говорилось бы о строительстве, жилье, памятниках зодчества юга Казахстана и Центральной Азии в целом.

Попытки пересмотреть процесс и итоги научного освоения Востока в сторону их «позитивизма» носят иногда характер натянутых идей и фактов. Утверждение, что изучение «мусульманского мира» уже в XVI–XVII вв. стало «независимой академической областью со своей методологией и техническим языком» (выделено мною. – Ю.Е.) носит, скорее всего, декларативный характер, а появление кафедр «восточных исследований» в некоторых европейских университетах в конце XVII – нач. XVIII вв. было номинальным.¹⁵ И в XVIII в. отсутствие фактических, достоверных сведений искажает представление общественности о Востоке, а в научной среде царит предвзятое отношение к предмету исследования.¹⁶ Идёт всё тот же спонтанный, медленный, трудный процесс накопления материала.

⁷ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Соч.: В 9-ти тт. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. Т. IX: Работы по истории востоковедения. С. 199–482.

⁸ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России.... С. 277.

⁹ Книга Большому чертежу. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 96.

¹⁰ Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времён до 1917 года. М.: Мысль, 1971. С. 91.

¹¹ Княжецкая Е.А. Путешествие тобольского казака Фёдора Скибина в Казачью Орду в 1894–1696 гг. // Страны и народы Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. С. 66–73.

¹² Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана... С. 40, 42.

¹³ Речь идёт о городских стенах. Прим. авт.

¹⁴ Дашилайгер Г.Ф. Казахские ханства в XVI -XVII вв. // История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. I. С. 172.

¹⁵ Абиджанова Д.С. Маверауннахр эпохи правления Амира Темура в англоязычной историографии 60–90-х годов XX в.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001. С. 11.

¹⁶ Бартольд В.В. Изучение Востока в Европе и России... С. 227.

Исследования XVIII в., как правило, носили всеобъемлющий, многосторонний, охватывающий различные области знания характер. Отправляемые в дальние продолжительные командировки на восток России первопроходцы были энциклопедистами или становились таковыми, сталкиваясь с многообразием новых впечатлений и обилием неизвестного материала.

Политика Петра I на Востоке, кроме военных, политических, экономических интересов, включала в себя непременно научное освоение исследуемых земель. Самые ранние сохранившиеся правительственные документы, свидетельствующие о научных целях, относящиеся к петровскому времени, – это «Именной указ, данный подполковнику Бухгольцу на предмет завладения городком Еркети, поиска «золотого песка» на реке Дарье» (1714 г.) и «Об осмотре реки Амударьи и о приведении ханов Хивинского и Бухарского в русское подданство». ¹⁷

Освоение восточных земель Пётр I полагал начать с изучения языков мусульманских народов. Первые меры в этом направлении В.В. Бартольд относит к 1716 году.¹⁸ Внимание Петра I к истории и культуре Востока проявилось и в приобретении востоковедческих книг в Европе. Выходят указы о собирании и сохранении памятников материальной культуры восточных народов.¹⁹ Сведения о кочевой Степи и среднеазиатских ханствах, добываемые в XVII–XVIII вв. по дипломатическим и торговым каналам, ещё отрывочны, бессистемны и недостаточны. Поэтому повышается роль косвенных источников, описывающих другие местности. В них также встречаются краткие, но ценные сведения о г. Туркестане.

Знания о среднеазиатских ханствах и юге Казахстана в XVIII в. были недостаточны, тем более в такой области, как культовая архитектура. Но это не было *абсолютным* неведением. Применительно к нашей теме: в библиотеке А.П. Ганибала среди других книг по Востоку была «История Тамерлана», в собрании Я.В. Брюса – «История Тимурбека», «Житие великого Тамерлана»,

«История монголов». Интересовались Востоком и другие петровские сановники.²⁰

Значительная часть данных по истории изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави скрыта в недрах обширнейшей историографии взаимоотношений среднеазиатских ханств, Казахстана и России. Выявление из неё интересующих нас фактов можно уподобить труду старателей, вымывающих драгоценные крупицы из огромных гор песка. Но этот труд необходим, потому что не было специальных работ не только по истории архитектуры Центральной Азии, но и по археологии, этнографии и другим историческим дисциплинам.²¹

Развитие востоковедных исследований в России в XVIII в. не было поступательным. В.В. Бартольд признавал, что меры Петра I по «насаждению научного востоковедения» имели мало успеха.²² В наши дни это утверждение выглядит излишне категоричным. Предпринятые попытки не дали незамедлительно ожидаемого результата, но они остались свой след в отечественном востоковедении. Нельзя не вспомнить одного из первых академиков учрежденной в 1724 г. Петром I Академии наук Г.З. Байера (1694–1738). Воспитанник Кёнигсбергского университета, он изучал восточные языки. В 1725 г. переселился в Санкт-Петербург, где занял кафедру по восточным древностям и языкам. Среди его трудов, написанных на латыни, сочинений по Востоку нет, но он занимался переводом «Родословного древа тюрков» Абу-л-Гази.²³

Востоковедом был Г.Я. Кер (1692–1740), также один из первых академиков Императорской Академии наук. Учёный широкого профиля, он изучал восточные языки в Галле. В 1732 г. по приглашению вице-канцлера графа А.И. Остермана, не чуждого интереса к Востоку, прибыл в Санкт-Петербург. Был назначен переводчиком с арабского, персидского и турецкого языков при Коллегии иностранных дел с обязанностью обучать этим языкам русских юношей. Знаток Востока. Перевёл на немецкий язык сочинение Абу-

¹⁷ Абдрахманов Б.А. Казахстан в материалах Полного собрания Законов Российской империи: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Усть-Каменогорск, 2002. С.12.

¹⁸ Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Соч.: В 9-ти тт. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.? Т. IX: Работы по истории востоковедения. С.29.

¹⁹ Рафиков А.Х. Литература о странах Азии и Африки в частных книжных собраниях и библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. // Книга в России до середины XIX века. М.: Наука, 1978. С.229.

²⁰ Там же. С.230, 232.

²¹ Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в русской дореволюционной печати... С.171.

²² Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков... С.29, 34, 40.

²³ Кумеков Б., Султанов Т. Вклад русских и советских учёных-востоковедов в изучение средневековой истории Казахстана // Известия АН КазССР: Сер. общественных наук. 1974. №2. С.14.

л-Гази. Труды его остались в рукописях и хранятся в Московском архиве иностранных дел.

Для истории отечественного востоковедения более интересен составленный Кером на латинском языке (как почти все труды первых «академиков» — выходцев из немецких земель) проект «учреждения Восточной академии в Санкт-Петербурге» (Академии восточных наук и языков). Русский его перевод опубликован в Журнале Министерства народного просвещения только в 1850 г. В нём предусматривалось не только обеспечение дипломатических миссий переводчиками, но ставились также научные цели — изучение восточных источников, проливающих свет на историю России. Эта идея была близка М.В. Ломоносову, в плане его рабочих проектов значилась «Ориентальная академия», более того — он изъявил желание принять участие в «Оренбургской экспедиции», возглавляемой И.К. Кирилловым. Однако эти намерения не осуществились.²⁴

Нельзя сказать, что первые меры и начинания носили заведомо декларативный характер. Определённые сдвиги в этом направлении были, но для полной их реализации не имелось в то время возможностей, главным образом, из-за отсутствия специалистов-востоковедов.

В Академии наук после 1740 г. не было ориенталистов. Основанный Петром I в 1724 г. при ней Санкт-Петербургский университет, несмотря на то, что его первым ректором в 1747-1750-х гг. был Г.Ф.Миллер, не стал востоковедным центром. Таковым он будет после переезда в 1852-1854 гг. в Петербург Восточного факультета из Казанского университета. Не было востоковедов и в открывшемся в 1755 г. Московском университете.²⁵ На этом фоне преувеличенным выглядит утверждение, что к концу 1740-х гг. складывается русская востоковедная школа.²⁶

Это официальная линия, связанная со становлением государственных научных учреждений. Однако ещё шла работа на периферии, непосредственно на местах, часто незаметная, проводимая отдельными энтузиастами.

Укажем на один важный момент. Мы ищем сведения о памятнике архитектуры в источниках,

далёких от архитектуры, даже таких, как естественные науки, потому что востоковедение и история архитектуры ещё не соприкасаются. Знание о зодчестве в России стало наукой только в конце столетия. Художественная среда и общество XVIII века в целом отвергали наследие средневековья.²⁷ Это касается древнерусского и даже европейского зодчества. Представления о восточном зодчестве, как и о Востоке в целом, были ещё более фантастичны. И всё же. В начале XVIII в. древние здания начинают рассматриваться как достояние прошлого. Рождается и входит в обиход понятие «памятник».²⁸ Собиратели сведений о городах и зданиях подходят к этому интуитивно. Идёт медленная работа по накоплению базы данных, которые станут отправной точкой в дальнейших исследованиях.

Недостатки петровского периода востоковедения закономерны. Но, по мнению академика В.И. Вернадского, «весь XVIII век в значительной мере явился развитием заданий» Петра I по освоению Азиатской России.²⁹ Петровское время оставило нам документ, который можно считать одной из точек отсчёта в изучении мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави (если не считать описания памятника в позднесредневековых персоязычных нарративных сочинениях). Это графический лист с изображением планов городов Туркестана, Бухары и Урги из материалов Сибирской экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Документ имеет важное значение уже хотя бы потому что более ранние (и поздние тоже) упоминания г.Туркестана носили сопутствующий и косвенный характер, тогда как план из бумаг Д.Г. Мессершмидта, несмотря на его условность, нагляден и конкретен.

Семилетнее путешествие Мессершмидта — первая научная экспедиция в Сибирь и на Восток в целом по инициативе русского правительства. По своим результатам она имела колossalное значение, как в естественнонаучном отношении, так и для многих областей гуманитарной науки.

Даниэль (Даниил) Готлиб Мессершмидт (Шёнстрём), уроженец Данцига (1685-1735), доктор медицины, широко образованный учёный, обладал познаниями не только в естественных

²⁴ Кумеков Б., Султанов Т. Вклад русских и советских учёных-востоковедов в изучение средневековой истории Казахстана... С.14.

²⁵ Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков... С.29, 34, 40.

²⁶ Рафиков А.Х. Литература о странах Азии и Африки... С.210.

²⁷ Славина Т.А. Исследователи русского зодчества: Русская историко-архитектурная наука XVIII — начала XX века. Л.: Изд-во ЛГУ.1989. С.4, 14-16.

²⁸ Славина Т.А. Исследователи русского зодчества.... С.27.

²⁹ Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука,1988. С.28.

науках. В 1716 г. русское правительство заключило с Д.Г. Мессершмидтом контракт, по которому он обязался составить описание Сибири «не только в географическом и естественноисторическом, но и также в этнографическом, лингвистическом отношениях».³⁰

Наследие экспедиции Мессершмидта (1720–1727 гг.) ещё долго будет привлекать внимание учёных различных специальностей. Сам учёный не имел возможности обнародовать свои результаты, связанный подписькой, взятой с него Медицинской канцелярией о том, что он ничего не будет публиковать из сибирских материалов.³¹ Ими пользовались (иногда совершенно беззастенчиво) его современники.

Богатейшая естественнонаучная коллекция, собранная Мессершмидтом, погибла при пожаре в Академии наук в 1747 г. Но сохранился обширный рукописный фонд, хранящийся в Санкт-Петербургском отделении АН Российской Федерации. В 1962–1968 гг. усилиями учёных СССР и ГДР в Берлине были опубликованы 4 тома материалов Мессершмидта на немецком языке.³²

Персоналия этого немецкого учёного на русской службе довольно обширна, начиная с трудов его спутника и помощника по экспедиции Ф. Страленберга, последователей Г.Ф.Миллера, Г.М. Гмелина, П.С.Палласа и кончая публикациями советских и немецких авторов 1980-х годов.³³

Экспедицию Мессершмидта оценили не только географы, геологи, ботаники, зоологи... Значение её для востоковедных исследований понимал В.В. Бартольд. В 1886 г. В.В.Радлов публикует извлечения из «Дневников» Мессершмидта, касающиеся археологии Сибири. Н.Ф.Катанов отметил этнографические изыскания Мессершмидта. Его имя вошло в 4-томную «Историю русской этнографии», изданной А.Н. Пыпиным в 1892 г. Известный историограф Сибири С.В.Бахрушин позднее также делает акцент на данных по географии, этнографии и археологии из дневников Мессершмидта. А.А.Андреев, крупнейший источни-

ковед и археограф по XVII–XVIII вв., указал на то, что факты из истории, археологии, этнографии, лингвистики, источниковедения и др. рассеяны по многочисленным сообщениям Мессершмидта и не выявлены. Л.Р. Кызласов дал общую оценку усилиям Мессершмидта в области археологии, но и он считал, что археологический материал в его наследии не освоен.³⁴

В историографии трудов Мессершмидта гуманистическую сферу выделить относительно несложно. Но о Средней Азии, мусульманском Востоке напрямую не говорится. Сибирский учёный В.Г.Мирзоев, отмечая достижения Д.Г. Мессершмидта в археологии и этнографии, говорит о собранных им рукописях на арабском, персидском, китайском, татарском языках.³⁵ В 1720 г. Мессершмидт обнаружил и прислал в Петербург неизвестную рукопись «Родословного древа тюроков» Абу-л-Гази Бахадыр-хана (не с этого ли экземпляра делали переводы Г.З.Байер и Г.Я.Кер?). Библиотека экспедиции, значительная для своего времени, включала также востоковедные книги. После смерти Мессершмидта в 1735 г. Академия наук приобрела 170 его книг.³⁶

Востоковедное направление в экспедиции, спонтанное, скорее всего, не выявлено, но оно, как видим, было. Сам Д.Г. Мессершмидт знал восточные языки. Может быть, благодаря этому не канул в безвестность план города Туркестана, стоявшего далеко в стороне от маршрутов его экспедиции.

Как план Туркестана мог попасть к Мессершмидту?

В 1985 г. учёный из бывшей ГДР Бурхардт Брентьес публикует планы городов Бухары и Туркестана с краткими комментариями, где осторожно предполагает, что Мессершмидт во времена Сибирской экспедиции мог посетить Туркестан (но не Бухару).³⁷ Предположение более чем шаткое. Маршруты экспедиции Мессершмидта прослежены достаточно хорошо. Соликамск, Туринск, Тюмень, Тобольск, Барабинская степь,

³⁰ Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков... С.30.

³¹ Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии // Известия Сибирского отделения АН СССР: Сер. общественных наук. 1977. №6. Вып.2. С.133.

³² Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования... С.173; Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.139, прим.

³³ Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.133-140.

³⁴ Там же. С.135-137.

³⁵ Мирзоев В.Г. Историография Сибири XVIII в. Кемерово, 1963. С.16.

³⁶ Рафиков А.Х. Литература о странах Азии и Африки... С.235-236; Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.134.

³⁷ Брентьес Б. Планы городов Бухары и Туркестана XVIII в. // Общественные науки в Узбекистане. 1985. №6. С.58.

Абаканский острог, Енисейск, Иркутск, Нижняя Тунгуска, Чита, Нерчинск, Аргунские копи, Далай-Нор и др. Проехал он по р. Кеть до Нарыма на Оби и до Иртыша.³⁸ Логических объяснений тому, чтобы Мессершмидт отклонился от поставленных задач и отправился через казахские степи к Сырдарье, не находится. Нет и документальных подтверждений.

Мир средневекового Востока, несмотря на громадные расстояния между регионами, различия в климате, языковые и религиозные барьера, был целостен, границы его были довольно условны. Сибирь и Среднеазиатское Междуречье – составляющие единого центральноазиатского мира. В XVI-XVII вв. Сибирь и Бухара оказываются в одном историческом потоке. В 1563 г., известный по истории покорения Сибири Ермаком, Кучум низложил и убил сибирского хана Едигера, уничтожил его окружение, занял город Кашлы (Искер, Сибир) и сделался владетельным ханом над всеми землями по Иртышу и Тоболу. Есть сведения, что Кучум объявился в Сибири, бежав из Бухары от тамошних распреи, в которых играл неблаговидную роль.

Действительно, Кучум – выходец из Бухары. Он принадлежал к старшей ветви династии Шейбанидов, захватившей власть в Сибири. Его дед Ибак был ханом Тюмени и Большой Орды. Борьбу с Едигером Кучум вёл, опираясь на войско из узбекских, ногайских и башкирских отрядов. Связь Кучума с узбекской линией шейбанидов была прямой и прочной. Самый выдающийся представитель узбекских шейбанидов Абдулла ибн Искендер в 1557 г. завоевал Бухару и сделал её своей столицей. В 1582-1583 гг. он подчинил себе Ташкент и земли к северу от Сырдарьи, в том числе и Туркестан, которым владел до своей смерти в 1598 г. В 1583 г. он принял титул Абдулла-хана II.³⁹

Став 6-м ханом Сибири, Кучум принял на саждать ислам среди сибирских языческих племён. При этом опирался на поддержку Абдулла-хана II, который трижды по его просьбе присы-

пал с бухарскими всадниками шейхов и сейидов для проповеди ислама. Таким образом, каналы для появления в Сибири арабоязычных и персоязычных источников, а также материалов по Мавераннахру и Южному Казахстану, считавшемуся его северной окраиной, вполне могли действовать ещё за 120 лет до экспедиции Мессершмидта.

Архив Мессершмидта – сочинение «Описание Сибири» (1728 г.) и 5 томов «Дневника Сибирской экспедиции» – долго оставался в рукописях. Только в XIX в. он был извлечён из неизвестия Академией наук.⁴⁰ Отрывочные записи «Дневника» в XIX в. изредка использовались и издавались.⁴¹

План Туркестана был обнаружен и обнародован значительно позднее – при подготовке к изданию материалов экспедиций Академии наук XVIII-XIX вв. В 1931 г. рукописи Мессершмидта, хранившиеся в разрозненном состоянии, были воссоединены.⁴² В оригинале труд носил длинное латинское название «*Sibiria perlusteata seu Pinax triplicis Naturae Regni simplicium octo annorum...*». Выписки из него публиковал В.В. Радлов.⁴³ К «*Sibiria perlusteata...*» относится тетрадь «*Curiosa Sibiria*», включающая более 40 рисунков и карт, выполненных Д.Г. Мессершмидтом. В их числе планы городов Бухары и Туркестана.⁴⁴ Ссылок в тексте на планы нет. Точно установить их появление в трудах Мессершмидта пока невозможно.

Хронологический обзор и описание экспедиций Академии наук XVIII-XIX вв., подготовленный в предвоенные годы, быть может, и есть первый научный, системный подход к рукописному наследию Мессершмидта.⁴⁵

В публикации, подготовленной В.Ф. Гнучевой, рукописный план Туркестана с надписями и пометками Мессершмидта помещён на с. 26. На с. 27 – план Бухары. На следующей странице напечатана опись фонда Мессершмидта, причём никаких упоминаний о Средней Азии нет.⁴⁶ Брентьев, скорее всего, воспользовался не оригиналом

³⁸ Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования... С.173.

³⁹ Бартольд В.В. Абдулла б. Искендер // Соч.: В 9-ти тт. М.: Наука, 1964. ? Т. II (2). ? С.487.

⁴⁰ Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков... С.30

⁴¹ Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.131.

⁴² Брентьев Б. Планы городов Бухары и Туркестана... С.58, прим.

⁴³ Башкатова З.Д. Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии... С.135.

⁴⁴ Брентьев Б. Планы городов Бухары и Туркестана... С.55.

⁴⁵ [Гнучева В.Ф., сост.]. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках // Труды Ленинградского отделения Академии наук. М. -Л., 1940. С.26-28.

⁴⁶ Брентьев Б. Планы городов Бухары и Туркестана... С.58, прим. Примечание это сделано редактором журнала «Общественные науки в Узбекистане».

документа, а этим воспроизведением, так как ничего не говорит о плане Урги, помещённом на обороте графического листа.

Документ введён в научный оборот. Но «Труды» Академии наук всё же узкоспециальное издание. Более известен план становится после выхода в свет одной из версий «Истории Казахской ССР» в 1957 г., где он был использован в качестве одной из иллюстраций.⁴⁷ Третьей публикацией была рассмотренная заметка Б. Брентьеса. Позднее план использовался в качестве иллюстрации в «Своде памятников истории и культуры Казахстана» в вводной статье о Туркестане.⁴⁸ Применительно к исторической топографии средневекового Туркестана план впервые описан Е.А. Смагуловым и Ф.П. Григорьевым. Ими также его изображение.⁴⁹

При этом ни исторического, ни источниковедческого, ни археографического, ни стилистического анализа документа не проводилось. Впервые по оригиналу он описан и проанализирован Б.Т. Туякбаевой и А.Н.Прокуриным.⁵⁰ Чертеж плана вытянут в поперечном направлении листа (21 x 32 см). Слева внизу прорисовано изображение каплевидной печати. На другой половине листа – план Бухары. На обратной стороне – план Урги. Его появление в бумагах Мессершмидта вполне уместно – как уже упоминалось, одним из дальних пунктов следования его экспедиции был Далай-Нор, озеро во внутренней Монголии. Изображение на одном листе географически весьма отдалённых друг от друга и разных во всех отношениях городов Б.Т. Туякбаева и А.Н.Прокурин объясняют тем, что они были срисованы одновременно с каких-то документов.⁵¹ Судя по пометкам Мессершмидта на плане Туркестана, «копиистом» был он сам. В.И. Вернадский в числе многих достоинств Мессершмидта называет его художественные способности: «Мессершмидт действительно обладал энциклопедическим образованием того времени – это был врач и натуралист, талантливый рисоваль-

щик, латинский поэт, филолог, знавший восточные языки и быстро научившийся [говорить] по-русски»⁵²

Чертёж Мессершмидта Е.А. Смагулов и Ф.П. Григорьев назвали «аксонометрическим планом». Возможно, термин нуждается в уточнении. В основе плана – глазомерная съёмка, производившаяся с одной точки на холме Культобе. Отсюда – двухмерность изображения: сверху (его проекция на плоскость, присущая плану как таковому) и спереди, фронтально (прямая проекция). Это можно сказать лишь об изображении городских стен. Объём надвратных столпообразных башен с бойницами и шатровым покрытием не показан, из чертежа непонятно, квадратные они или круглые (последние ближе к местным традициям фортификации). Это также касается показа жилых построек. Аксонометрия предполагает передачу изображения объекта при помощи параллельных проекций в трёхмерной (декартовой) системе координат, представляющей его с трёх точек зрения. Приём не чужд восточной средневековой миниатюре, показывающей примеры как плоскостного (фронтального), так и трёхмерного изображения сооружений, в том числе и фортификации.⁵³

От плана Туркестана веет своеобразной «архаистикой», что, на первый взгляд, может сближать его с средневековой миниатюрой. Но в миниатюре, хоть и условно, изображаются реальные предметы и объекты, здесь же они носят характер условных обозначений (рвы, водоёмы, сады и огороды, места водозабора показаны значками). Это приближает данное изображение к топографической съёмке. Первые наземные съёмочные работы в топографии известны с XVI в., на строго научной основе они начинают выполняться только в XVIII в.

Таковы косвенные соображения по поводу атрибуции документа. Более определённо план датируется по изображению печати. О печати на рисунке написано: «Печать, а в ней назначено:

⁴⁷ Дашилайгер Г.Ф. Казахские ханства в XVI–XVII вв. ... С.173. Разработчики экспозиции Чимкентского областного историко-краеведческого музея в 1979–1981 гг. экспонировали план Туркестана, увеличив эту иллюстрацию.

⁴⁸ Свод памятников истории и культуры Казахстана. Алма-Ата: Гл. ред. «Казак Совет энциклопедиясы», 1994. Т.1: Чимкентская обдасть.

⁴⁹ Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Гылым, 1998. С.45, Рис.1.

⁵⁰ Туякбаева Б.Т., Прокурин А.Н. О цитаделях города Туркестана // Известия Министерства образования и науки, Национальной Академии наук РК: Сер. общественных наук. 2000. №1. С.17-27.

⁵¹ Там же. С.19.

⁵² Вернадский В.И. Труды по истории науки в России... С.224.

⁵³ Рахматуллаева С.Д. Образ фортификации в миниатюре Герата XV века // Маскан. 1991. №12. С.34.

«Табакул Маам Бартурхан».⁵⁴ Современное чтение легенды в печати: «Таввакул Мухаммед Бахадурхан». Это полное имя Тауке-хана. Аналогичная печать приложена к письму Тауке-хана Петру I. Предполагается, что план Туркестана происходит из документов Тауке-хана (годы правления – 1680-1718). Конец XVII – нач. XVIII вв. – вероятное время исполнения сохранившегося графического листа, который представляет собой вольную копию с неизвестного оригинала.

Б.Т.Туякбаева и А.Н. Проскурин на основании запустения рвов, изображённых на плане в виде двух отдельных водоёмов, делают вывод, что зафиксирован город XVII в., но допускают, что по сохранившимся фрагментам крепостной стены, обнаруженным археологами, изображённую фортификацию можно датировать и XV-XVI вв.⁵⁵

Последний вывод, считаем, ближе к реальности. Стоит вспомнить о другом Таваккуле – Тауекель-хане, правившим Казахским ханством почти за сто лет до Тауке-хана (1582-1598 гг.). Его правление почти целиком совпало с годами вассальной зависимости юга Казахстана от владетеля Бухары Абдулла-хана II. Абдулла-хан стяжал военную славу и славу строителя. В.В. Бартольд отмечал, что ещё в нач. XX в. народное предание остатки сколько-нибудь выдающихся сооружений связывало с именами либо Тимура, либо Абдулла-хана II.⁵⁶ Это в большой мере соответствует действительности.

В 1583 г. Абдулла-хан II в числе других присырдаринских земель подчинил себе Туркестан. Город признавал его власть до самой смерти хана (1598 г.). Он отдал распоряжение о достройке мавзолея Ходжа Ахмада Ясави («абдуллахановский период» и истории мавзолея).⁵⁷ О фортификации прямых данных нет.

По археологическим данным Туркестан в конце XV в. представлял собой мощную крепость. В конце XVI-XVII вв. частично разрушаются и застраиваются жилыми постройками, в дальнейшем не восстанавливаются по всему периметру.⁵⁸ Но на рисунке из архива Мессершмидта следует

непрерывная линия стен.

XVIII век не оставил нам профессиональных, реалистических изображений памятников восточной архитектуры. Немногие художники, впервые посетившие восточные окраины Российской империи, изображали «виды» городов и отдельных сооружений. Эти, часто полупрофессиональные работы, демонстрировали ограниченность и слабость впечатлений авторов, невзирая на воочию увиденные реалии. Таковы рисунки из материалов экспедиции Ф.И. Саймонова по изучению Каспийского моря (1719-1726 гг.).⁵⁹ Искажённое понимание архитектуры Востока видно уже на уровне восприятия и сказывается на низкой культуре исполнения рисунков. Приведённый пример не касается южноказахстанского региона, но он показывает общую тенденцию, которая держалась весь XVIII век и захватила первую половину XIX в., что наглядно демонстрируют первые полупрофессиональные, крайне схематизированные и искажённые изображения мавзолея Ходжа Ахмада Ясави.

И всё же. Если не принимать во внимание низкий исполнительский уровень, эти первые иконографические документы сохраняют большой познавательный интерес, а в ряде случаев и научное значение. Это можно сказать и о планах центральноазиатских городов из архива Мессершмидта.

В полном смысле слова план Туркестана – ещё не иконографический документ по истории мавзолея Ясави. На нём он представлен в виде башни, выделенной большими размерами по сравнению с надвратными башнями. Но это первое его отображение на визуальном уровне. Определено показано его положение в топографии города. Этот документ, имея важное историческое значение, на практике служит для реконструкции фортификации и регенерации исторического ядра г. Туркестана, в котором памятник занимает центральное место.

В петровскую эпоху корнями уходит создание «Истории Российской», первого капитально-

⁵⁴ Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. О цитаделях города Туркестана... С.20.

⁵⁵ Туякбаева Б. Т., Проскурин А.Н. О цитаделах города Туркестана... С.20.

⁵⁶ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч.: В 9-ти тт. М.: Изд-во восточной литер., 1963. Т.II (1). С.269.

⁵⁷ Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмада Ясави. Ташкент, 1930. С.8.

⁵⁸ Смаголов Е.А. Обзор стратиграфических данных и наблюдений по топографии средневекового Туркестана // Известия Министерства образования и науки, Национальной Академии наук РК: Сер. общественных наук. 2000. №1. С.10, 11.

⁵⁹ Чабров Г.Н. Восточные окраины России в русском искусстве XVIII века // Труды САГУ. Ташкент, 1957. Т.XLIII. Вып.20. С.19.

го труда по русской истории, изданной при Екатерине II. Её автор – В.Н.Татищев (1686-1750), историк, географ, экономист, государственный деятель, выдвинувшийся в царствование Анны Иоанновны. В течение тридцати лет он работал над этим сочинением.

Казалось бы, зодчество Центральной Азии в то время покрыто мраком неизвестности. Но мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави уже упоминается в первой русской истории.⁶⁰ Это упоминание – не единственный, вероятно, факт о мавзолее Ходжа Ахмеда Ясави в г.Туркестане. Свидетельство о Туркестане В.Н.Татищев получил от бухарского купца. Оно, конечно, в духе своего времени: «Город построен «внучатами» Тюрка, сына Афета, от которого и звание получил». <...> «По персидской истории сей град построен от Джемшид шаха», который соорудил крепость для своих воинов. В.Н.Татищев сообщает, что близ Туркестана гроб их великого святого Ходжи Ахмета немалого каменного здания, о сём пространная басня (!) чудес показана».⁶¹

Сведения эти В.Н.Татищев мог зафиксировать в 1737 г., когда был назначен начальником в Оренбургскую экспедицию, или в 1741 г., прибыв в Царицын управлять Астраханской губернией, где непосредственно столкнулся с «восточными» делами.

Оренбургскую экспедицию (её ещё называли Оренбургской комиссией), идея организации которой принадлежала Петру I, В.Н. Татищев возглавил после смерти основавшего её в 1734 г. обер-секретаря Правительствующего Сената, географа И.К. Кириллова. Оренбургская экспедиция была по сути госучреждением, ведавшим организацией торговли с народами Казахстана и Центральной Азии и, в конечном счёте, присоединением его к России. В 1741 г. при канцелярии Оренбургской комиссии был учреждён географический департамент. В 1744 г. комиссия была преобразована в Оренбургскую губернскую

канцелярию. Вклад Оренбургской экспедиции в научное освоение Казахстана и Центральной Азии очень значителен. Этому способствовал универсализм исследователей XVIII в. (во многом также и XIX в.) – сочетание властных функций и научных изысканий. В Оренбургской экспедиции выдвинулись учёные различных направлений, ведущие географические и этнографические описания, составление карт и т.д. При экспедиции у Кириллова живописцем служил англичанин Джон Кестль. В 1736 г. он ездил в казахские степи. Через сорок с лишним лет были напечатаны на немецком языке его материалы по русской истории периода после смерти Петра I, в том числе и дневник его поездки.⁶²

С Оренбургской экспедицией связано известное свидетельство о Туркестане и мавзолее Ясави, относящееся к царствованию Елизаветы Петровны. Это сочинение «Топография Оренбургской степи», упоминаемое под несколько изменённым названием почти всеми, кто писал о г. Туркестане и его выдающемся мавзолее. Его созданию предшествовала большая длительная работа, оно переиздавалось, переиздания порождали разнотечения в тексте и названии. Автор его – П.И. Рычков (1712-1777), чиновник, географ, краевед, экономист. Заведовал Оренбургской губернской канцелярией. В конце жизни был «главным правителем Оренбургских соляных дел», а при граве Панине управлял «заграничными делами и инородцами в крае». В научном отношении он являлся учеником И.К. Кириллова и В.Н. Татищева. При составлении «Топографии» Рычков использовал рукописи Татищева, особенно «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи» (закончено не позднее 1744 г.).

Написанию «Топографии» предшествовала «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии».⁶³ В центре этой работы – принятие Младшим жузом российского подданства,

⁶⁰ Татищев В.Н. История Российской с самых древнейших времён, неустанным трудом через тридцать лет собранная и описанная... СПб., 1768. Ч.I- IV. С.282.

⁶¹ Кереева-Канафиева К. Дореволюционная печать о Казахстане... С.49-50. Поставленный публикатором после слова «басня» восклицательный знак не совсем уместен. Басня – не только юмористическое, и не обязательно стихотворное сочинение в современном его понимании. Первоначально оно имело два значения – дидактико-сатирическое и описательно-повествовательного рассказа, каким воспринималось до середины XIX в. В.Н.Татищев в духе своего времени использовал второе его значение. Это понятие аналогично понятию слова «канеклот» в первом его значении – рассказ о поучительном случае из жизни исторического или фольклорного героя.

⁶² Castle John. Materialien zu russischen Geschicht seit dem Toode Kaisers Peter des Grossers. Riga, 1777-1784. 2 тт. См.: Матвиевский Е.П. Дневник Дж. Кестля как исторический источник // История СССР. 1958. №4. С.135-145. В Казахстане «Дневник» Кестля издан отдельной книгой: Кестль Джон. Древние путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулахайру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды. Алматы: Жибек жолы, 1998. 152 с.

⁶³ Рычков П.И. История Оренбургская. СПб., 1759. 195 с.

деятельность Оренбургской экспедиции, основание Оренбурга и пограничной линии, налаживания связей с Востоком.

В 1752 г. по инициативе П.И. Рычкова принято решение о создании новой генеральной карты Оренбургской губернии и прилегающих к ней казахских и среднеазиатских земель. Тогда же им начата «Топография Оренбургская».⁶⁴

«Атлас Оренбургской губернии», состоящий из одной генеральной и 10 «партикулярных» (частных) карт, исполненных геодезистом прaporщиком И.Красильниковым, был готов в 1755 г. В 1760 г. закончена вторая часть «Топографии Оренбургской». В 1762 г. она печатается в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». Тогда же, в 1762 г., выходит отдельной книгой в Санкт-Петербурге.⁶⁵ Текст Рычкова содержал обширное историко-географическое описание края, включая регионы Казахстана и Средней Азии. «Топография» перерастала рамки сопроводительного текста к атласу. «Топография» – это условное название. Так было принято в XVIII в. называть труды широкого страноведческого характера.⁶⁶ Вторая глава его содержит краткую географическую характеристику среднеазиатских земель. Пятая глава «Развалины древних городов и строений» показывает, что П.И. Рычков проявлял также интерес к археологии края.

В 1887 г. в Оренбурге издана Оренбургским отделом Русского Географического общества «Топография Оренбургской губернии», содержащая раздел «О Туркестанском владении».⁶⁷ В нём история Туркестана изложена довольно подробно: «Сие владение и город Туркестан в рассуждении других мест, в тamoшней стороне имеющихся, ныне хотя и незнаны, но по древности надлежит ему пред всеми дать преимущество, потому что город Туркестан в татарских историях многим старее Бухар почтается, и якобы в древние времена повелительство сперва в оном началось, и во всю Азию распространилось. Находящейся в Оренбурге Ахун объявил, будто бы сей город пост-

роен внучатами Турка-Хана, сына Афетова, от которого он и звание себе получил, и все тамошние города, даже до Индии и Китая, яко то: Кашикар, Табат, Еркен, Ходжант, Ташкент, Мартикан, Фантақ, Янғы, Хасар, Хутяқ, Утрап, Сабран, Барзагинь и прочие во власти Туркестанской состояли. Ту же область называли они в древние времена и другим именем Эссе, кое аки бы ещё и Туркестанского старее. Сие выписано из арабских и татарских книг, помянутых Ахуном. А переводчик Уразалин, выписав из персидских историй, показывал, что сей город построен был от Жамшида-Шаха Иранского (то есть Персидского), который от начала Персидской монархии был четвёртый государь. Оный Жамшид-Шах, по сказанию в той истории, с прочими народами овладел мунглами, татарами и китайцами, и быв с войском своим в великой Татарии, за потребное признал, для пристанища войску своему, построить три города. Первый из них был Тюрюкстан (то есть Туркестан), другой Утрап, третий Сауран (которые доныне есть, и суть малые местечки около Туркестана), где он оставил наместником одного из своих свойственников. Но где Туркестан, тут, сказывают, ещё и прежде была крепость, или пристанище воинских людей, кое от тамошних жителей именовалось (как выше упомянуто) Эсси. Впрочем, сами тамошние учёные люди сказывают, что из живших около Туркестана народов, некоторые к сарацинам перешли, и приняв магометанскую веру, с ними сообщились, отчего имя турков произошло; и так Туркестан можно почесть за древнее отечество турков, что и с европейскими историями согласует. Потом в Туркестан перешло из агарян несколько ходжей, которые доныне тут живут, и будучи признаваемы за отродье Магометово, отменно и за святых почитаются. Из таких ходжей в Туркестанской большой мечети есть гроб одного, по их закону за святого почитаемого, который именуется Ходжа-Ахмет, и есть один из семи святых, коих магометане за знатнейших почитают, и великую честь их гробам воздают, да и верят, что сей святой в жизни

⁶⁴ Полное название: «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым».

⁶⁵ Рычков П.И. Топография Оренбургской степи. СПб., 1762. Ч. II. С.73-76.

⁶⁶ Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования... С.229.

⁶⁷ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.20-21. Ещё раньше, в 1880 г. Оренбургским отделом Русского Географического общества издана первая часть «Топографии» с картами, напечатанными фотолитографским способом. Библиография главного сочинения П.И. Рычкова требует уточнений. В 1771 г. книга в немецком переводе выходит в г. Бюспинге, в 1772 г. новый перевод печатается в Риге. В советское время «Топография Оренбургская» переиздавалась в 1949 г. См.: Мильков Ф.Н. П.И. Рычков. Жизнь и географические труды. М.: Гос. изд-во географической литер., 1955. Последнее переиздание осуществлено в Уфе в 1999 г.

своей чудеса творил, которыя яко бы и доныне у гроба его бывают».⁶⁸

Рычков, как видим, основывается не только на устных преданиях, но и на татарских и персидских письменных источниках. Далее Туркестан описан так: «*Улицы в нём кривые, весьма тесные, так что поперёк инде меньше одной сажени. Домов в нём по тамошнему обыкновению строенных, однако гораздо хуже Ташкентских, с тысячу. Крепостного строения регулярного нет, токмо имеется вокруг жилья стена глиняная, и вокруг неё небольшой ров с водой. Мечетей в нём три, из которых одна древней и хорошей работы, и имеет в себе многое число разных покоеv; в ней погребён вышеупомянутый магометанский чудотворец».*⁶⁹

Представленные здесь факты, касающиеся истории изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, имеют своё происхождение в первой пол. XVIII в., но появились в печати значительно позднее – в царствование Елизаветы Петровны (сочинение Рычкова), в годы правления Екатерины II (труд Татищева), а некоторые (например, план Туркестана) и того позже – в XX в. Само екатерининское время столь точных, конкретных данных о памятнике не оставило, что обусловлено особенностями этого этапа освоения восточных окраин Российской империи.

Екатерина II воспета Г.Р. Державиным ни много, ни мало как «Богоподобная царевна Киргиз-Кайсацкия орды». Однако эта поэтическая метафора очень далека от действительности. В её царствование Россия весьма незначительно продвинулась в глубь казахской Степи, довольствуясь окраинными пределами Младшего жуза. Принятие российского подданства Младшим (1731 г.) и Средним (1740 г.) жузами долгое время было номинальным. Сама фантастичность титула, придуманного поэтом, наглядно говорит о том, насколько еще русское и европейское общество были далеки от центральноазиатских реалий.

⁶⁸ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.20-21.

⁶⁹ Там же. С 21.

⁷⁰ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1776. Ч.2; Фальк И.П. Описание всех национальностей России. Алматы, 1999. 223 с.

⁷¹ [Рычков Н.П.] Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 году. ? СПб., 1772. 105 с.

⁷² В наши цели не входит касаться истории этнографического изучении Казахстана, она изложена в хрестоматийном труде Э.А. Масанова и в некоторых поздних исследованиях. См.: Масанов Э.А. Очерки этнографического изучения казахского народа. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.; Косанбаев С.К. История изучения этнологии казахов (XVIII – 40-е гг. XIX в.): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 2001. 34 с. Также материал по истории этнографии казахов содержится и в других изданиях. См.: Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы, 1995. 320 с.; Муканов М.С., Аргынбаев Х., Козыбаев М.С. Казахи: Историко-этнологическое исследование. Алматы, 1995. 350 с.

Несравненно быстрыми темпами шло освоение Сибири и Дальнего Востока. Для сравнения: к 1864 г., когда юг Казахстана с присырдаринскими городами был освобождён от господства кокандских ханов (завершающий этап присоединения Казахстана к Российской империи), русскими была освоена и частично обжита Аляска, уже в 1867 г. проданная США. Центробежные силы этого стремительного движения, включавшего косвенно или целенаправленно научное освоение обширнейших земель, захватило многие области Казахстана.

Екатерина II живо интересовалась географией, геологией, флорой и фауной, языками, историей и этнографией малоизвестных районов своей империи, Ей принадлежит идея комплексного исследования страны, особенно восточных и южных её пределов. Осуществлению этой идеи служила «физическая» экспедиция П.С. Палласа (1741-1811), работавшая в 1768-1774 гг. Экспедиция Палласа состояла из пяти отрядов. Отряды И.П. Фалька, И.Г. Георги, И.И. Лепёхина работали в Оренбургской губернии, С.Г. Гмелина, И.А. Гильденштедта – в Астраханской. Деятельность каждого из них воспринимается как самостоятельное исследование в рамках общего направления. Сразу по её окончании, в сер. 1770-х гг. вышел ряд книг выраженной этнографической направленности, где подробно описаны разные стороны жизни казахов преимущественно Младшего и Среднего жузов.⁷⁰

В отряде самого П.С. Палласа находился сын П.И. Рычкова капитан Н.П. Рычков, написавший по результатам своей поездки в казахские степи книгу.⁷¹

Экспедиция Палласа, имевшая естественно-научную направленность, вместе с тем собрала ценный материал по этнографии казахского народа.⁷² Перу Палласа принадлежит очерк «Изве-

стия о киргизах» (т.е. о казахах), вошедший в его труд «Путешествие по разным провинциям Российской империи»⁷³

При всём том монументального культового зодчества средней Сырдарьи этнографические описания 1770-х гг. не отражают. Мавераннахр и исторически связанные с ним районы Южного Казахстана по-прежнему малодоступны для историко-этнографического изучения. В политике, в науке, в общественном сознании всё ещё царит полное непонимание Центральной Азии во всех её проявлениях. Процесс её освоения оказался длительным, сложным, трудным.

Военно-экономическая экспансия Российской империи имела конечной целью якобы цивилизовать восточные отсталые окраины. Чтобы исполнить эту, во многом утопическую, миссию, требовалось понимание истории, уклада всей жизни, вживание в совершенно иную, чуждую и непонятную среду. Уровень знаний о мусульманском Востоке в России и Европе просто не позволял это сделать. Даже идеолог французского Просвещения Ф. Вольтер воспринимал Восток как некий экзотический антураж, в который он помещал своих мифологизированных героев. «Восточный» колорит в литературе, ещё в большей мере в искусстве XVIII в., выглядит крайне неправдоподобным. Только появление в 1819 г. «Западно-восточного дивана» Гёте «...сделало просто неприличными все литературные поделки «под Восток».⁷⁴

Юг Казахстана ещё не входит в состав Российской империи, но продолжает оставаться в сфере её политических и экономических интересов, что видно из материалов по истории казахско-русских отношений в XVIII – первой пол. XIX вв., где г.Туркестан фигурирует на страницах многих документов. Сибирский и Оренбургский генерал-губернаторы постоянно держат его в поле зрения. Но это из области гражданской

истории. Для комплексного научного исследования не было условий. Северный Туркестан (так ещё называли южные районы Старшего жуза) часто находится во власти позднефеодальных государств Мавераннахра, внутренняя жизнь которых характеризуется застойными явлениями во всех сферах, религиозным фанатизмом, стремлением к самоизоляции. Даже в XIX в. очень немногим европейцам (за исключением пленников) удавалось проникнуть в их пределы.

К тому же Россия была занята военными, внешнеполитическими проблемами на западе и юге страны (война с Турцией) и внутренними делами (восстание Пугачёва в 1773-1775 гг.). С другой стороны, этот процесс тормозился сложным политическим и экономическим положением южных районов Старшего жуза. После 1740 г. на средней Сырдарье вновь господствуют джунгары. С 1744 г. г.Туркестаном владеет хан Среднего жуза Абулмамбет, находившийся в вассальной зависимости от хунтайджи Галдан Царена. Эти обстоятельства усугубляются феодальными распрями казахских султанов. Со второй пол.XVIII в. г. Туркестан неоднократно переходил от казахов к владельцам Бухары и обратно, от казахов к правителям Ташкента... В результате город приходит в упадок. Хронологически предыстория изучения мавзолея Ясави в XVIII в. завершается известием горных инженеров М. Поспелова и Т. Бурнашева, побывавших в Туркестане в 1800 г. и отмечавших крайнее запустение города.⁷⁵

Резюме

Жұмыста Қазақстан аумағындағы өте белгілі ескерткіштер туралы іс жүзінде зерттелудің белгісіз кезеңіндегі ерте уақыттағы материалдар жарияланған.

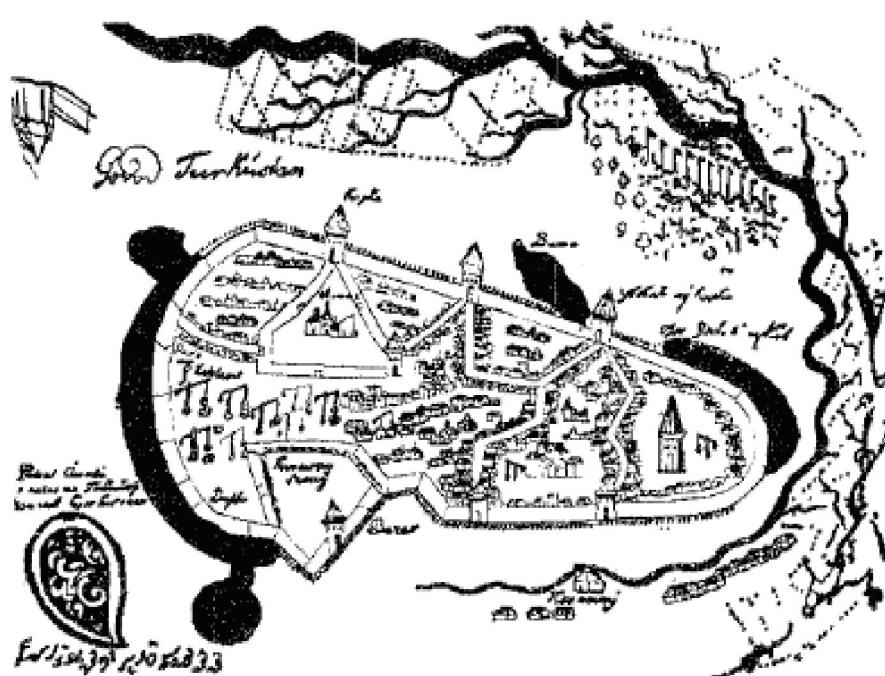
Summary

Materials of early, practically unknown period of studying are published in work, perhaps, the most known monument in territory of Kazakhstan.

⁷³ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Кн.2. Ч.2. 216 с. и др.

⁷⁴ Голованов В. Сказки бабушки Екатерины II // Наука и жизнь. 2010. №1. С.112.

⁷⁵ Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник Русского Географического общества. 1851. Ч. I. Кн.1. Отд.VI. С.29.

План города Туркестана из архива Д.Г. Мессершмидта

П.И. Рычков (1712-1777)